

Н. Н. ПОКРОВСКИЙ

Устюжский список «Возвещения от сына духовного ко отцу духовному»

18 октября 1747 г. Устюжская провинциальная канцелярия отправила секретный пакет в главное учреждение политического сыска империи — Канцелярию тайных розыскных дел. В пакете были вырезанные из какого-то рукописного сборника 8 листов, содержащие начало «Возвещения от сына духовного ко отцу духовному»¹ с описанием смерти царя Алексея Михайловича и по объему составляющие около половины памятника.² Так опять пересеклись пути Аввакума и Тайного приказа.

Сочинение, тесно связанное с жизнью и творчеством пустозерских узников, и спустя век после воцарения Алексея Михайловича рассматривалось как орудие тайной антиправительственной пропаганды. Устюжские власти были убеждены, что следствие о хранении этого сочинения входит в юрисдикцию того учреждения, которое в елизаветинской России вело все расследования по «слову и делу». Тайная канцелярия была вполне согласна с этим, приняв дело к рассмотрению. В этом решении есть своя логика.

В создании легенд XVIII в. о русских императорах-антихристах позорная смерть неблагочестивого царя Алексея Михайловича (связанная ясной причинной связью с разгромом Соловецкого монастыря) — своеобразная точка отсчета: царь Алексей Михайлович — последний «истинный» царь в смысле несомненности его «царского корня», происхождения, но уже ставший «неистинным» как предатель веры, «рог антихристов», что и подтверждается всей картиной его смерти. После Алексея Михайловича цари уже «неистинные», «неистовые» и по происхождению — ложные, самозванные, подменные. Цари-антихристы — цари «последнего времени». За них нельзя бога молить — это завет еще соловецких страдальцев. Им нельзя и платить подать — слова Христа о динарии Кесаря к лжекесарям не относятся.

Характерно, что накануне Тарского бунта 1722 г. на востоке страны зафиксирована волна слухов о том, что со времени смерти Алексея Михайловича «роды их царские пошли неистовые», что то ли Петр I, то ли его внук или иной наследник (а может быть, и все они вместе) — антихристы.³ Прошедший под этими эсхатологическими лозунгами Тарский бунт (вос-

¹ См. выше (с. 127—150) статью Н. Ю. Бубнова и Н. С. Демковой «Вновь найденное послание из Москвы в Пустозерск „Возвещение от сына духовного ко отцу духовному“ и ответ протопопа Аввакума (1676 г.)» и публикацию текста «Возвещения» по спискам Ак и Сд.

² ЦГАДА, ф. 7, № 1193, л. 16—23 об.; текст кончается словами: «Было седение у бояр и приговорили было ево в Кирилов монастырь, в земляную тюрьму» (см. л. 4 списка Ак).

³ ЦГАДА, ф. 371, оп. 1, № 1844, л. 30—37 об.

ставшие, опираясь на авторитет Соловецкого монастыря, отказывались молиться за царя, отвергали систему податей и ревизий и требовали назначить наследника «царского рода» из истинной правой веры)⁴ способствовал разработке теории «расчлененного» антихриста, согласно которой антихрист воплощается в последовательном ряде русских «неистинных» царей после Алексея Михайловича. Теория эта окончательно оформляется как раз к середине XVIII в., когда Устюжский список «Возвещения от сына духовнаго ко отцу духовному» пересылается из Устюга в Канцелярию тайных розыскных дел.

Хотя старообрядческие дела подлежали ведению духовных властей, в Устюжской консистории и провинциальной канцелярии сочли хранение письма о смерти Алексея Михайловича делом политическим. Эсхатологические настроения по-прежнему носили антиимператорский характер и по-прежнему приводили на севере и востоке страны к многочисленным самосожжениям протеста — 24 декабря 1748 г., когда все еще длится дело об Устюжском списке «Возвещения», в устюжских деревнях произойдет одно из таких самосожжений, вскоре после окончания дела, в 1753 г., — другое.⁵

Посылая этот список в Канцелярию тайных розыскных дел, Устюжская провинциальная канцелярия сообщала об обстоятельствах его обнаружения. Он был найден в доме у крестьянина Пермогорской волости Устюжского уезда Василия Тарбакова. Нашедшие «тетратку» с «Возвещением» духовные власти арестовали крестьянина и передали его вместе с уликой в Устюжскую провинциальную канцелярию. Здесь сочли, что в «тетратке... писано касающееся высочайшей чести блаженные и вечнодостойныя памяти великаго царя и великаго князя Алексея Михайловича, самодержда всероссийского», и допросили крестьянина о происхождении рукописи. Он ответил, что «тою тетратку назад тому года с три взял в раскольническом скитишке в Устьянской Дмитриевской волости у дяди своего, раскольнического наставника Григорья Тарбакова, которой де после того умре». Устюжские власти, чтобы подчеркнуть свое служебное рвение, сообщая об этих показаниях крестьянина, отметили, что «вышеописанной скитишко от канцелярии Великоустюжской правинции раззорён и кельи выжжены».⁶

Устюжские власти, задержав арестованного крестьянина у себя, выслали протокол его допроса и уличающие листки в Москву, в Канцелярию тайных розыскных дел, прося указа о том, как поступить с В. Тарбаковым. Однако этой просьбе не повезло. Делопроизводство главного устрашающего ведомства империи велось то попеременно, то одновременно в обеих столицах, что подчас создавало изрядную неразбериху. В ней и затерялось устюжское донесение от 18 октября 1747 г., да так основательно, что поиски его заняли много лет. Продав безуспешно 8 месяцев, устюжские власти повторили запрос 13 июня 1748 г. и затем делали это 6 октября 1749 г. и четырежды в 1751 г. Москва и Петербург горячо обвиняли друг друга в утере документов, «в которых писано касающееся к некоторому поношению» царя Алексея Михайловича. Они были обнаружены лишь в конце 1752 г. в Петербурге и были признаны действительно политически вредными. Конфисковав «Возвещение от сына духовнаго ко отцу духовному», елизаветинская Канцелярия тайных розыскных дел к самому В. Тарбакову отнеслась сравнительно милостиво. Ему зачли долгое пребывание в устюжской тюрьме в ожидании приговора и, хотя,

⁴ ЦГАДА, ф. 199, № 140, ч. 2, д. 2, л. 16.

⁵ См.: Д. И. Сапожников. Самосожжение в русском расколе (со второй половины XVII в. до конца XVIII в.). М., 1891, с. 110, 122—124.

⁶ ЦГАДА, ф. 7, № 1193, л. 4—4 об.

по мнению Петербурга, за его вину ему дополнительно «подлежало учинить наказание», в конце концов в столице решили «для многолетнего ея императорского величества и высочайшей ея императорской фамилии здравия» ограничиться 63 месяцами предварительного заключения. Правда, при этом Канцелярия тайных розыскных дел рекомендовала устюжским светским властям не освобождать В. Тарбакова сразу, а передать его консistorии для следствия о нем как о потайном раскольнике. Однако в Устюге это бесконечное дело успело так надоесть, что в провинциальной канцелярии молниеносно постановили считать племянника скитского наставника православным, и в январе 1753 г. его отпустили наконец домой. В условиях нечеткости границ старообрядчества, широкого распространения социально-политических идей раскола далеко за пределами ядра строгих ревнителей старой веры⁷ В. Тарбаков действительно мог являться или признаваться православным.

Между тем отобранный у Тарбакова список «Возвещения» о смерти царя Алексея Михайловича не был оставлен даже в фондах Тайной канцелярии, а передан вместе со всеми материалами дела в наиболее секретную часть Государственного архива империи, содержащую дела, касающиеся царской фамилии (ныне — VII разряд Госархива в ЦГАДА).

Список этот насчитывает 8 л. в 8°. Устюжских следователей интересовало, по-видимому, преимущественно описание смерти царя Алексея Михайловича, поэтому можно думать, что вторая часть «Возвещения» и не была изъята из найденной у В. Тарбакова «тетратки». Точная датировка списка по палеографическим признакам затруднена: сохранился лишь небольшой фрагмент водяного знака — филигранный «Шут», литературного сопроvoждения не было или не сохранилось; скорописный почерк списка можно датировать лишь широко: последней четвертью XVII—началом XVIII в.

Несмотря на такое сравнительно раннее происхождение списка, он содержит много ошибок («ничто ж *успех*» вместо «ничто ж *успели*», «смертного часа не *отстали*» вместо «не *отстояли*», «а *слуга* она епископа» вместо «а *слогу* она епископа» и др.); разночтения его в основном орфографические («ведь» вместо «веть», «его» вместо «ево», «бутто» вместо «будто» и т. д.). Часто в Устюжском списке (далее — У) наблюдаются иные окончания слов — результат различного чтения выносных букв в тексте источника (ср., например, на л. 2 списка Ак разночтение 59: *слышат* Ак, *слышит* Сд, *слышав* У; л. 3 об: *замкнул* Ак, Сд, *замкнув* — У и др.).

В своих разночтениях список У в основном следует за списком Ак (он сохранил заглавие «Возвещение», в Сд — «Вопрошение»), но в ряде случаев поддерживает чтения Сд; ср. л. 2, разночтение 51: *подделав* Ак, но *подделан* Сд, У; л. 2 об., разночтения 70: *деют* Ак, но *дают* Сд, У; л. 2 об.: *мало от него, слышать, добра* Ак, но *добра слышат* Сд, *слышат добра* У.

Несколько раз список У исправляет характерные для круга Аввакума чтения (например, «затеями» вместо «затейками»). Из чтений, более интересных в списке У, чем в двух других, отметим два: 1) в Ак читаем: *пытай лишь отчитатися* (л. 3), в Сд: *пытאותце отчитатися*, в У: *потайшь ли отчитатися*; 2) в Ак и Сд: *а мужскому полу — по гривне* (л. 4), в У: *а мужикам по гривне*. Характерно, что в списке У между заглавием и началом текста уже появился типичный для сборника возглас: «Благослови, отче»; эти слова, как и заглавие, написаны киноварью, следующий затем киноварный инициал — типичный поморский.

⁷ Н. Н. Покровский. Организация учета старообрядцев Сибири в XVIII веке. — В кн.: Русское население Поморья и Сибири. М., 1973, с. 381—406.